Четыре тысячи историй

Анатолий Борисович Краснопольский

SHOUT
SHARE
IT

- Краснопольский Анатолий Борисович

Краснопольский Анатолий Борисович
Четыре тысячи историй

Анатолий Краснопольский

ЧЕТЫРЕ ТЫСЯЧИ ИСТОРИЙ

Повести Анатолия Краснопольсного "Я прошу тебя возвратиться" и "Четыре тысячи историй" посвящены военным медикам В них рассказывается о дерзновенном творческом поиске и подвиге солдат в белых халатах, их любви к людям, которым они своим каждодневным трудом возвращают здоровье, жизнь, счастье.

Вячеславу Павловичу Губенко

Время приближалось к обеду.

Полковник Костин подошел к стойке, за которой сидел дежурный по управлению госпиталя. Михаил Сте-дапович ждал свежую почту. Сегодня он читает лекцию для младшего медперсонала хирургического цикла, и последние новости, "самые-самые", как он любит говорить, были бы ой как кстати.

Он взял газеты и среди писем заметил конверт, адресованный полковнику Максимову. Вместо обратного адреса только одна фамилия - Ясникова. "Это пишет мать солдата", - мгновенно мелькнуло в голове. Постой, постой, как его звали? Валерий. Да, конечно, Валерий.

Но почему пишет мать? Почему не он сам? Что с парнем?

Замполит взял письмо, вошел к себе в кабинет и тут же позвонил своему другу, но никто не ответил. Тогда он набрал номер дежурной медсестры. На его вопросы она отвечала как-то уклончиво. Ему показалось, что от него чго-то скрывают. Тогда Костин направился в лабораторию, где работает жена полковника Максимова.

- Василий Петрович лечится, - сообщила супруга. - Он лежит в неврологическом отделении, радикулит скрутил. То ли эта весна сырая, то ли еще что...

А весна и в самом деле уже хозяйничала к госпитальном городке. Ветер раскачивал тополя и дубки. Блестевшее сквозь бегущие легкие облака солнце растопило снег, которого этой зимой было на редкость много.

Полковник Костин зашел в вестибюль неврологического отделения, поднялся на второй агаж. Постучал и комнату, которая именовалась отдельной палатой. Обхода не было. Он

осторожно приоткрыл дверь.

- Можно?

И снова молчание. Михаил Степанович вошел в палату. На тумбочке заметил невыпитое лекарство. В пепельнице недокуренный "Беломор". На столе лежал только что вышедший журнал "Иностранная литература", раскрытый на страницах, где напечатана пьеса Бернарда Шоу "Дилемма доктора". Это одна из первых вещей великого ирландца. Она о цинизме врачей, о крушении личности... Замполит отложил журнал, его взгляд остановился на пижаме, небрежно брошенной на спинку стула, как видно, в спешке. Куда же запропастился сам больной?

Костин осторожно вышел из палаты и пошел в травматологическое отделение. Вошел в кабинет начальника отделения, но и здесь Максимова не оказалось.

Михаил Степанович сел к столу, положил перед собой письмо, разглядел штемпель. Письмо отправлено из Гусь-Хрустального. Все правильно. Он вспомнил, что Валерий был оттуда. Так что же там, в конверте?

В кабинет вошел майор Коваленко. Тучный, степенный обычно человек, сегодня он нервно, на ходу докуривал папиросу. Коллеги и в этом подражают своему шефу: курят неизменно "Беломор".

- Где же ваш шеф? - спросил замполит.

Юрий мнется, уклончиво говорит о каких-то делах, а потом все-таки признается:

- Оперирует он.

- Как? Он же болен!

Майор посерьезнел, затушил папиросу в пепельнице и, уходя,сказал:

- Трудная у нас минута, и без шефа никак нельзя.

Майор сказал правду: трудную минуту шеф ни с кем не делит. А сам небось еле на погах стоит. Характерец!

Сквозь стекло, покрывающее письменный стол, на Костина смотрело улыбчивое лицо дочери Василия Петровича Марины, а рядом лежало письмо из Гусь-Хрустального. Что же в нем? Вдруг почта принесла драматическую развязку истории, которая стала тогда гордостью всего госпиталя? Он, замполит, должен знать об этом и в случае чего подготовить своего друга, который такие ситуации переживает как свои личные потери и невзгоды. Но вскрывать чужие письма Михаил Степанович не умел. Он встал, прошелся по ковровой дорожке.

Как это было? Как это было?

...Военная машина "скорой помощи" прошла тоннель госпитальной арки и затормозила возле травматологического

отделения. Люди, случайно оказавшиеся здесь, увидели на носилках, прикрытых одеялом, черное обугленное тело, перехваченное бинтами. Кто-то зачем-то поправил очки, кто-то спрятал в рукав сигарету. Больные, кто на костылях, кто с рукой, замурованной в гипс, посторонились у входа. Пострадавшего несли на второй этаж.

Конечно, начальник отделения был уже здесь, в госпитале.

- Ожог, - доложила ему дежурная медсестра.

Максимов знал по опыту многих лет, что это слово обычно произносят в сочетании с другими, выражающими степень термического поражения кожи. Но тут даже при первом беглом осмотре врачу становилось понятно:

надежды почти никакой.

- Рядовой Валерий Ясников, - только и добавила медсестра и вышла за дверь.

Максимов прошел к себе в кабинет. Впервые он вошел сюда давно, даже очень давно. Или это только кажется: тогда ему не было и сорока.

В тот день они познакомились. Новым коллегам, как водится у военных, Василий Петрович коротко рассказал о себе. Рано умер отец. Рос и воспитывался у бабушки. После окончания десятилетки, совпавшего с началом Великой Отечественной войны, по повестке военкомата был направлен в военно-медицинскую академию.

Закончил. И началась служба в гарнизонах - больших и малых. "Вот и все, - сказал он, - остальное узнаем друг о друге в процессе работы". Коллеги вышли.

"Несловоохотлив", - подумал тогда о нем замполит.

С минуту они оба молчали. Михаил Степанович подошел к окну. Оно выходило на главную аллею госпитальпого городка. От этой аллеи, как сосуды от артерии, разветвлялись узкие дорожки, идущие к другим отделениям, к центральной лаборатории, где в этот же день впервые приступила к работе и жена Максимова - Людмила Ивановна.

- Как устроились? - спросил Михаил Степанович.

- Устраиваюсь, - ответил Василий Петрович.

Михаил Степанович уселся в кресло, почему-то повел глазами по кабинету, от пола по стенам до потолка, словно прикидывал: а не пора ли ремонт делать? Потом спросил:

- Василий Петрович, скажите, сколько вы сделали операций?

Максимову этот вопрос не понравился. Разве в количестве дело? Кто начинает свое знакомство с сухой арифметики? Но Василий Петрович не показал своего недовольства и сдержанно ответил:

- Всех не считал.

- Ну а тех людей, которые не могли бы жить, если бы не ваша помощь? Замполит смотрел на врача своими черными глазами с такой теплотой, что они казались бархатными.

- Таких людей у меня было четыре тысячи.

- Четыре тысячи сложных операций. Четыре тысячи человеческих историй! Четыре тысячи жизней, спасенных одним человеком. Подумать только!

Василий Петрович слушал замполита и чувствовал, как учащается биение сердца, ощущал в себе какой-то прилив сил, словно речь шла вовсе не о нем, а о какомто другом человеке, о другом докторе.

Так они познакомились. И оба поняли: что-то большое и хорошее потянуло пх друг к другу. Они быстро сблизились и с той поры дружат, как говорят, домами, только вот последнее время видятся редко: все дела, дела.

Замполит встал из-за письменного стола, на котором осталось лежать загадочное письмо. Рука Михаила Степановича магнетически потянулась вновь к нему.

Ах, солдат Ясников! Как же это ты? Разве можно курить, когда обслуживаешь машину? Да еще в промасленной одежде... Вот и вспыхнул факелом. Эх, молодежь, молодежь...

Помнится, операцию назначили тогда лишь на десятый день. Много времени ушло на стабилизацию состояния больного. Ясников был выведен из шока, и, когда наступил подходящий час, Максимов решился оперировать.

Утром он позвонил супруге в лабораторию:

- Готовы анализы?

- Минуточку.

Людмила Ивановна нажала кнопку целлоскопа.

На экране аппарата появились зеленые, бегущие снизу вверх нити. Их становилось все больше, они сливались в сплошные языки зеленого пламени. Лейкоцитоз был высоким. Врач это предполагал, но к операции продолжали готовиться.

Операционная медсестра Нина Васильевна 1ульшина ходила между шкафов с разложенными на стеклянных полочках кусачками Листона, незамысловатыми долотами и молотками, циркулярными пилами, фрезами и сверлами. Нет, сегодня весь этот набор инструментария для костных операций ни к чему. А ранорасширители? Взяла приготовила на всякий случай.

С Василием Петровичем Нина Васильевна работает не один год. Бок о бок. Рука к руке. И слов никаких пе надо. Правда, первое время Максимов взглядом указывал на тот или иной инструмент и барабанил пальцем по краю стола, что означало

"скорей, скорей". Теперь он уже никогда этого не делает.

Медсестра включила, проверила работу электродерматома, аппарата для кожпой пластики.

Разлился свет бестеневых ламп. Василий Петрович кивнул в сторону анестезиологов:

- Наркоз.

Зажужжали аппараты, принимая на себя обязанности помощников хирурга. Все началось так, как было четыре тысячи раз.

И вдруг:

- Падает пульс.

В руках хирурга застыл скальпель.

Дыхание больного катастрофически слабело. И вот...

остановилось сердце. Мгновенно длинная игла понесла спасение - укол в сердце. Безрезультатно. Хирург массирует левую сторону груди. Сердце не работает. Наступила клиническая смерть.

А там, в коридоре, мать Ясникова. Она ждет, надеется, верит.

Полковник Максимов продолжал массировать грудь.

Глаза ассистентов напряженно следили за хирургом. Лицо его было сосредоточенным, на лбу сбежались морщипы. И каждый понимал: он не отступит. Но что же, что сейчас будет предпринято?

Василий Петрович протянул руку в сторону Нины Васильевны. "Чего он хочет?" - Медсестра растерянно дотрагивалась то до одного, то до другого инструмента.

И тогда, как несколько лет назад, он забарабанил по краю стола и крикнул:

- Йод!

Решение было принято мгновенно. Теперь все поняли: хирург будет вскрывать грудную клетку. И он вскрыл. Пригодились Нине Васильевне ранорасширители, ох как пригодились! Через несколько секунд врач взял в руку сердце. С первого взгляда оно почему-то казалось перламутровым, темно-вишневое, с синей сеткой сосудов, сердце было в точности таким, каким рисуют его в атласах. Но и как в атласах, оно было недвижимо.

На оживление сердца у врача есть только четыре минуты. Если оно заработает спустя пять минут, то человек, оживший на столе, проснется неполпоцеппым, лишенным рассудка на всю жизнь. Только четыре минуты!

Врач сжимал и разжимал руку. По лицу потекли струйки пота. Это был крик, которого никто не услышал. Врач призывал на помощь всего себя, а рука его работала, работала, работала. И вдруг первые робкие удары...

Не надо видеть хирурга после операции. Однажды Михаил Степанович встретил своего друга перед началом его работы. Он пришел в лабораторию к Людмиле Ивановне посмотреть последние, самые свежие анализы.

Спокойная, ровная походка. Вид сильного, собранного человека. А потом встреча спустя восемь часов. Нет, не надо видеть врача в этот час. Михаилу Степановичу хирург показался спринтером, упавшим на финише.

А может, изможденным марафонцем... Нет, все не то.

Замполит тогда только молча пожал ему руку, никакие слова были не нужны...

Василий Петрович тихо и незаметно вошел в кабинет, положил свои усталые, в густых огненных веснушках руки на плоскость стола. Улыбается Марина, словно говорит: "Ничего, ничего. Все будет хорошо..." От тишины звенит в ушах. А мимо кабинета, мимо ожидающей матери на каталке провезли Ясникова с бьющимся сердцем.

Сутки Василий Петрович не отходил от постели Ясникова, сутки не появлялся дома. Всполошилась тогда Людмила Ивановна, позвонила Костиным. Михаил Степанович пришел в отделение.

- Тебе отоспаться нужно, - без пажима, словно между прочим, посоветовал он другу. - В случае чего позвонит дежурная медсестра.

- В данном случае меня не очень устраивает доклад медсестры, да еще по телефону, - резко возразил Василий Петрович. - Ты вообще зачем пожаловал?

- Затем, чтобы сказать: ты должен отдохнуть. И все.

- А если я потеряю человека?

- А если мы потеряем двух человек?

Василий Петрович устало улыбнулся:

- Шутить изволите.

- Я не шучу. Оперирующий врач подвергается такой же опасности, как и тот человек, которого он оперирует.

- Может быть, - устало сказал Максимов. - Но теория не всегда дружит с практикой. Тут вечные, конфликты.

Внезапно распахнулась дверь. Вошел ординатор майор Коваленко, положил папку на стол и доложил:

- Больной Алексей Кривонос, наезд автомобиля.

- Вот видишь. - Начальник отделения раскрыл новую историю болезни.

Делать было нечего. Замполит тихо закрыл за собой дверь.

- Предстоит ампутация обеих ног, - сказал Коваленко.

- Чей это приговор? - сурово спросил полковник Максимов.

- Сопровождающий сказал.

- И больной знает? - Василий Петрович нахмурился, сел в кресло, прикрыл ладонью усталые глаза. - Мода века, - проговорил он раздумчиво. - Читали статью в последнем номере "Литературки"?

- Читал, - ответил Коваленко.

В статье говорилось о том, что в наше время, время интеллектуализма, время всеобщей информации, некоторые светила сознаются, как в открытии, что они взяли за правило сообщать своим пациентам правду в глаза.

Например, что у больного рак и жить ему осталось не более месяца.

- Что вы думаете по этому поводу? - спросил Василий Петрович.

- Во-первых, не предугадаешь, через месяц ли, ведь двух одинаковых случаев никогда не бывает. Во-вторых, такое отношение к больному не смелость врача, а его бессилие и бездушие.

- Это общие слова. Главное, - Максимов встал изза стола, - у каждого человека, подвергшегося травме, происходит перестройка психики, и проявляется она в отсутствии должной критичности, как своеобразная защитная мера. Это не фрондерство, а искренняя вера в свое выздоровление. В данном случае к травме добавляется и психологический удар, нанесенный врачом.

Нет, мы не пойдем за модой. Будем считать, что Кривоносу никакого приговора не выносилось.

Борьба за судьбу офицера началась дерзко и отчаянно. Первая, вторая, третья операции. На этом этапе был твердо оттянут, отодвинут роковой исход. Речь шла о сохранении каждого сосуда, каждой клетки переломанных ног, о наращивании тканей.

С подобными ситуациями Максимов впервые столкнулся еще на заре своей практики, в пору, когда получил назначение для дальнейшего прохождения службы в десантное подразделение. Там он сам совершает 32 прыжка с парашютом. Привлекла голубизна неба? Красота полета? Привлекла, да. Он с завистью следил, как в силеве парят белые купола, и каждый раз с горечью и досадой узнавал о травмах, что получали по неопытности солдаты-юнцы в момент приземления. Там, в десантных войсках, как на поле боя, сама обстановка вынуждала принимать решения моментально. Он не был скован опекой именитых профессоров, за которыми в клиниках покорно ходят гуськом начинающие врачи. Он самостоятельно докапывался до сути, учился поступать по-

своему, пе стандартно, а это обязывало полной мерой нести ответственность перед своей совестью. Так постепенно вырабатывался свой почерк армейского врача-травматолога. И его заметили, о пем заговорили. Тогда он и вошел в этот свой кабинет.

Василий Петрович положил историю болезни Кривоноса на стол и вместе с лечащим врачом отправился в палату.

- Металлоостеосинтез, - сказал он лечащему врачу.

- А что это такое? - спросил больной.

- Вгоним в ваши голени спицы и отправим на танцплощадку.

Он шутил, а сам понимал, что решение соединить раздробленные кости с помощью металлических конструкций. может, еще и преждевременно. Но общая картина состояния здоровья требовала активного расширения средств воздействия. Так художник создает скульптуру. И созидая, он отсекает от материала все лишнее.

Но если художественные ценности порой проверяются временем, то врачебное искусство всегда сиюминутно.

И скульптура на живом здесь прежде всего восстановление материала природы: в ней ничего нет пенужного.

Кривонос был слова прооперирован...

А вот Ясникопу стало совсем худо. Потеря плазмы во время ожога была колоссальная. Но пластическую операцию откладывать было уже нзкуда.

"Завтра, завтра, завтра", - не выходит из головы.

Василий Петрович спустился по лестнице, на ходу застегивая пуговицы шипели. Он шел по аллее госпитального парка не спеша, заложив за спину руки. Кому-то ответил на приветствие, кого-то, легко одетого в пижаму, отправил в корпус. Ео!цел в дом. Он живот рядом, через дорогу.

- Пойдем, - сказал жене с порога.

Василий Петрович остался вдовым, когда дочери едва исполнилось десять лет. на территории госпитального городка он появлялся мрачным, без кровинки в лице.

Таким он пришел однажды в лабораторию, где работала Людмила Ивановна чуткий, добрый, отзывчивый человек. К чужой биде она относилась, как к собственной.

Тогда он впервые сказал ей: "Пойдем", и она покорно, ни о чем не спрашивая, пошла. Она поняла, ощутила женским чутьем, что очень нужна ему и его маленькой дочери. Одно сознание необходимости участия в его судьбе делало ее счастливой. Она стала заботливой матерью.

Марина выросла, вышла замуж и уехала в Москву," где работал ее муж.

- Пойдем, - повторил Василий Петрович.

По тревожному тону, по бледному от усталости лицу она поняла, что нужно идти. Они спустились вниз, к Дворцу спорта, мимо кинопанорамы вышли на Красноармейскую, шагнули в подъезд.

В этот дом он приходит выпить стакан чаю, поговорить. Но сегодня он шел, чтобы отвлечься от того, что ему предстояло пережить завтра.

Дверь открыла Светлана Николаевна, маленькая, довольно полная женщина, но очень подвижная, с веселыми живыми глазами. Он нежно поцеловал ей руку.

- Наконец-то! - радостно воскликнула она. - Где можно столько пропадать?

Вслед за супругой в коридоре появился и хозяин дома, Михаил Степанович Костич.

- В самом деле, где можно столько пропадать?

Друзья крепко пожали друг другу руки, женщины звонко расцеловались.

За окнами сгустились ранние сумерки, предвестники зимней поры. Студеный порывистый ветер гнал тяжелые, свинцовые тучи. Вот-вот закружатся первые снежинки.

Михаил Степанович взял со стола пепельницу и сел на тахту рядом с Василием Петровичем. Он видел, что друг очень озабочен, много курит ч молчит. Сердцем замполит понимал, что врач своими мыслями и сейчас гдето в госпитале.

- Понимаешь, я чего-то не знаю, - сказал он наконец.

- Не бояться сказать, что ты чего-то не знаешь, - это высшее проявление порядочности.

Василий Петрович усмехнулся:

- Сказать-то сказал, но от этого ни мне, ни Ясникову не легче. - С минуту врач помолчал и вновь заговорил: - Вот ты пишешь доклад. Ты можешь написать неудачную страницу и тут же ее зачеркнуть. А я? Я не могу, не имею права зачеркивать жизнь.

Последние слова врач произнес медленно, растягивая по слогам, и они звучали как укоризна самому себе. Василий Петрович прикрыл ладонью глаза и заговорил тихим голосом:

- Не так я прожил свою жизнь, Миша. Не так.

В детстве, помню, я увлекался физикой. У меня что-то получалось. И вдруг медицина. Почему именно она?

Вручили повестку в военкомате, сказали, надо ехать в академию. Я и поехал. И, как видно теперь, не в ту сторону. Вот откуда ошибки.

Замполит усмехнулся своими бархатными глазами, помял новую сигарету, не прикурив, положил ее в пепельницу:

- А я в детстве мечтал быть врачом. Да вот не получилось, как видишь. И жалею, жалею, что не получилось. Так что давай меняться ролями, а? Михаил Степанович прикурил сигарету. - По-моему, доктор, тебе срочно нужно отправиться в отпуск. Ты просто устал.

На пороге комнаты стояла хозяйка дома. В тон своему мужу она обратилась к Максимову:

- Кстати, доктор, вы готовы мне аккомпанировать?

- После ужина, естественно, - отозвался Максимов.

Светлана Николаевна и Людмила Ивановна накрыли на стол. Тушенная с яблоками утка, салат оливье, аджика, привезенная Костиным с Кавказа, где они отдыхали прошедшим летом.

Переходя из компаты в комнату, Василий Петрович остановился в коридоре возле телефона, позвонил в госпиталь.

- Все в порядке, - услышал он голос дежурной сестры, - Ясников чувствует себя нормально. Отдыхайте, Василий Петрович.

Он с аппетитом ел утку с яблоками, салат, пил вкусный горячий чай. Потом встал, подошел к фортепьяно.

Играл тихо, изредка прерываясь и оглядывая свои руки.

"Все ли нормально у Ясникова, все ли нормально?" - врывалось в его мысли, которых никак не вытесняли ни звуки пианино, ни голос Светланы Николаевны, звучавший сегодня особенно приподнято и вдохновенно. Она пела старинный русский романс "Гори, гори, моя звезда". Мелодия навевала грусть, она была созвучна его настроению. Он и здесь, в гостях, продолжал искать лихорадочно и горячо, лишь внешне оставаясь спокойным.

- Людочка, - сказал он, как только Светлана Николаевна спела романс, аплодируй подруге, она природная певица.

Это был хороший и нужный вечер. Прощаясь с хозяевами, Василий Петрович попросил:

- Миша, приходи завтра в отделение к десяти.

- А ты пустишь меня в операционную?

- Конечно, нет. Но ты приходи, посидишь там у меня в "предбаннике".

- Посижу, - пообещал полковник Костин.

И снова они шли с женой извилистой улицей мимо кинотеатра. Людмила Ивановна ласково взяла мужа под руку:

- Не надо метаться, Василий. Все будет хорошо.

- Не надо, - сказал он твердо.

...В окно операционной хлынул утренний свет, и от смешения его со светом бестеневых ламп казалось, что в комнате повис туман.

- Пульс? - спрашивает хирург.

- Падает...

Почему с введением наркоза падает пульс? Нет ли тут какой-то затаенной злой закономерности? Накаиупг Василий Петрович советовался с известным анестезиологом, нс ошибся ли он в выборе наркоза. "Ошибки нет", - замерял седовласый профессор. Но почему же снова все повторяется?

Хирург хотел было отложить операцию, как вдруг сердце Ясникова вновь остановилось. В операционной наступило молчание. Оно было тягостнее прежнего. Сегодня уже никто ни на что не мог надеяться. Казалось, все было исчерпано. Но нет, не все! В запасе оставалась сила духа хирурга, его неиссякаемая фантазия. "Четыре минуты, четыре минуты", - стучало в висках. Василий Петрович встал на табурет и начал массировать грудь Ясникова, вминая ребра до самого позвоночника. И сердце забилось! Он встретил радостные глаза коллег, но не осветил на их веселость, считая ее преждевременной: ведь операцию по пересадке кожи вновь пришлось отложить.

Василий Петрович набрал номер телефона профессора, но передумал, положил трубку, едва услышав молоденький голосок секретарши: "Приемная..."

- И все-таки ошибка есть, - сказал он полковнику Костину, который сидел здесь все эти часы. - Понимаешь, ожоговые больные реагируют на наркоз совсем не так, как люди, получившие травму иного характера.

- Значит, дело в выборе наркоза, - раздумывая, произнес полковник Костин. - Вот это и есть та самая страница, которую тебе предстоит сегодня написать.

Хирург читает, ищет, сопоставляет все применяемые ныне наркозные препараты. В составе каждого из них присутствуют элементы, с которыми неумолимо вступают в "конфликт" белковые вещества. Значит, нет ответа? Значит, есть только одна альтернатива: ничего не делать, и больше не предпринимать обреченных на пропал попыток кожной пластики, и потерять Валерия Ясникова, единственную радость матери. Убитая горем женщина рассказала врачу о своем сыне. Отец его пвгиб за несколько недель до рождения Валерия. По профессии оп был журналистом.

Ниточка судеб солдата и полковника тянулась к войне. Василий Петрович помнит заснеженный Куйбышев, сорокаградусные морозы. Медицинская академия жила тогда по законам боевой обстановки. Стреляли. Правда, в тире. Лечили раненых. Пилили дрова. Драили полы, и, конечно, с утра до вечера учеба, учеба, учеба. Еще, помнится, постоянно хотелось

есть. При немалой тыловой нагрузке - три раза в день лишь мучная затирка и пайка хлеба раз в сутки. И все-таки он, Максимов, только учился. А отец Ясникова воевал, был на передовой.

И даже статьи сочинял в окопах. Матери хотелось, чтобы Валерий пошел по стопам отца. Но сын с детства увлекался музыкой. Впрочем, что гадать. Все еще может измениться. Сейчас главное - отслужить и вернуться домой.

- Главное - поправиться, - сказал как бы про себя Василий Петрович.

- У вас он поправится, - произнесла без колебаний мать солдата, ничего не знавшая о двух клинических смертях сына.

- Спасибо, - зачем-то сказал он и мягко обнял женщину за плечи.

В этот момент в отделение вошла Людмила Ивановна.

Заметив руку своего мужа на плечах чужой женщины, она на секунду застыла на месте. Стопка пробирок, которую она несла с собой, сверкнула, залучилась внезапной вспышкой. Людмила Ивановна, глядя в упор на Василия Петровича, сказала:

- Надеюсь, хоть сегодня ты придешь ночевать домой?

- Надеюсь, - ответил он, как показалось Зинаиде Владимировне, отчужденным тоном.

Людмила Ивановна стремительно зашагала по коридору. С затаенной улыбкой смотрела ей вслед Зинаида Владимировна.

- До свидания, доктор, - сказала она.

- До свидания, - зачем-то развел он руками, и это получилось у него неловко и смешно.

Когда от Максимовых отпочковалась дочь Василия Петровича, многое изменилось в этом доме. Молодые увезли с собой Настеньку, которая родилась тут и тут же произнесла свое первое слово - "бабушка". Игрушки-побрякушки, плач и смех - все смолкло. И в душе Людмилы Ивановны нежданно-негаданно поселилось одиночество. Тут бы Василию Петровичу и попять все, найти для жены лишний час. "Сколько той жизни осталось?" - жаловалась она. Думала, что, может, домашний шум, когда жили с молодыми вместе, мешает ему порой сосредоточиться, и его долгие исчезновения потому оправдывала, понимала. Думала, что вот теперь хоть видеться с собственным мужем будет чаще. Ан нет. Василий Петрович, как и раньше, пропадал в госпитале.

- Пропащий человек, - скажет он, бывало, со смешком, потом помолчит, посерьезнеет и добавит: - Сама говоришь: сколько той жизни осталось? А сколько дел еще нужно сделать?!

Василий Петрович проводил к выходу Зинаиду Владимировну, постоял на крыльце, глотнул свежего воздуха и

поспешил в палату к майору Крпвоносу. Не говоря ни слова, долго осматривал больного. Что ж, ничего утешительного: гнилостная инфекция продолжала бушевать.

Задуманная скульптура разрушалась.

- Что делать будем? - спросил он позже лечащего врача, рассматривая под матовым светом негатоскоыа последние рентгеноснимки.

- Ампутация, - развел тот руками. - Что ж еще?

- А вы поставьте себя на место Кривоноса, вообразите, что это вы или самый дорогой для вас человек. - Василий Петрович ходил туда-сюда по кабинету, поглядывая на свои ноги.

О чем он думал в этот момент? Может, о том, что, когда они, ноги, есть, мы не задумываемся, как это много. Вот Кривонос. Утром он входит в казарму. Бойкий топот солдатских сапог оглашает тишину городка. Затем выход в поле. Под каблуками тарахтит дорожная крошка. Затем на огневом рубеже гремят выстрелы, и дружное "ура" летит над степью, угасая за горизонтом.

А поздно вечером усталый офицер поднимается по лестнице, открывает дверь. Жена и дети спят. Осторожно, на цыпочках, он ступает по комнате... И теперь этот бег с солдатами и этот тихий святой шаг по комнате отнять?

Отнять у человека ощущение земли?

Василий Петрович ходит по кабинету. А где-то там, за окном, в городе, по пыльному тротуару ползет человек на роликах, двигаясь под гору, инвалид опирается на деревянные упоры, похожие на дверные ручки, тормозит ими. И под человеком без ног стонет земля. Может, ему, как и майору Кривоносу, тоже был вынесен преждевременный приговор?

Василий Петрович остановился, сухо сказал:

- Завтра сделаем еще операцию. Ее цель - удаление омертвевших тканей. Как можно больше.

Врач Коваленко заерзал на стуле, не поднимая глаз, спросил:

- А кто будет оперировать: я или вы, товарищ полковник?

Максимов пристально посмотрел на своего ординатора. Боится? Не умеет? Но нет, умеет, человек способный, пытливый. А о страхе вообще хирургам говорить не пристало. Тут другое. Есть в госпитале группа известных хирургов, пытающихся обставить дело так, будто они, и только они, способны выиграть дело, когда возникает сложная ситуация! Иначе говоря, играют в свою незаменимость и не доверяют своим помощникам. Но не так опасно любование своим умением, как уродливы последствия. Проходят годы, и ассистенты постепенно утрачивают чувство самостоятельности. Этого всегда страшился Максимов. И потому,

готовясь к операции, Василий Петрович обычно мылся вместе с Коваленко, а во время работы больше молчал, наталкивал ординатора на те или иные решения. И создавалось впечатление, что это он, Коваленко, делает все сам. И вдруг: кто?

Василий Петрович достал из письменного стола только что выпущенный бюллетень "Клиническая хирургия". В нем в соавторстве со своими коллегами он рассказывал о новом эксперименте. Поступил больной Юрий Синельников. Рана в плечо. Фрагмент левой плечевой кости - омертвевший. Он был удален и заменен гомотрансплантатом. Рука была сохранена.

- Но эту операцию вы сами делали, - сказал Коваленко.

- Так будем же последовательны, - с игривой ноткой в голосе произнес начальник отделения. - Теперь слово за вами, коллега.

Коваленко понял, как некстати он задал вопрос своему шефу.

Скульптура упорпо реставрировалась. А ведь Максимов рисковал и" склонял, принуждал к риску лечащего врача. Каждый день инфекция точила ноги, но она могла отнять и жизнь. Не потому ли молодой ординатор предлагал банальное решение - ампутация? Каждый день, каждый час Максимов был начеку. Он ощупывал ноги, контролировал анализы, глушил вспышки. Изо дня в день, из недели в неделю. И снова операции, операции, более десяти...

Полковник Костин ходил туда-сюда по ковровой дорожке, что пересекала наискосок кабинет начальника отделения. Если ему память не изменяет, майор Кривонос пролежал в госпитале два года. Да, да, два года. Два года врачи сражались за его судьбу. И все-таки выиграли бой. Возвратили человеку землю, с травой, камнями, песком на реке. Офицер вернулся в строй, к службе.

А что было дальше с Ясниковым? И память вновь возвращала замполита в те дни. Если у Алексея Кривоноса угрожающее состояние сменялось солнечной надеждой, фамилия Ясникова прочно укрепилась в списке "тяжелых". Предстояла новая, третья, попытка. Резко ухудшающееся состояние здоровья солдата неумолимо приближало этот час.

Василий Петрович пришел в лабораторию. Людмила Ивановна внимательно следила за мужем, который не отвечал ни на один ее вопрос, а только вертел в пальцах пробирки. И звучал в ушах голос замполита: "Не бояться сказать, что ты чего-то не знаешь, - это высшее проявление порядочности".

Василий Петрович подошел к жене, посмотрел на нее усталыми глазами. Вчера до полуночи он рылся в книгах, листал свои записи.

- Кажется, я нашел, - сказал он.

- Что ты нашел?

- Закись азота. Вот что. Завтра под этим наркозом будем оперировать Ясникова. А сейчас пойдем.

Вот так, прямо с работы, не переодеваясь, как всегда, не спрашивая ни о чем, она стала собираться.

- Смотри, Василий, мои новые сапоги уже потрескались.

- Зато импортные, - усмехнулся он, скользя по первому снегу. Потом добавил: - Теперь будут привозить с переломами.

- Давай на этот хороший вечер не будем смотреть глазами травматолога...

- Давай, - согласился он.

И вдруг, как ей показалось, ни с того ни с сего начал рассказывать, как еще мальчишкой случайно попал в какой-то клуб, где играли на бильярде. Это было в Харькове, где он жил с бабушкой. Он тоже попробовал сыграть партию и выиграл. Дальше - больше. Со временем он начал побеждать заядлых игроков. И однажды принес домой много денег.

- Погоди, - остановила его жена. - Ты что, ведешь меня в Дом офицеров?

- Угадала.

- Ни за что.

- Людочка, я должен быть в форме. Понимаешь?

Она знала, что у него есть единственная страсть - работа, а все остальное, нс помогающее делу, с годами было напрочь отброшено. Фортепьяно он рассматривал как инструмент, который давал ему внутреннее ощущение "золотой середины". Ударяя по клавишам, он определял в гамме звуков звук необходимой громкости, необходимой мягкости и протяженности. Так при перевязке сосуда, во имя чего иногда делается вся операция, необходимо обладать этой золотой серединой: не перетянуть, недоослабитъ. А бильярд это выоор направления удара, это точность, это, наконец, пятнадцать километров вокруг стола за вечер. Это спорт.

По зеленому полю разбежались шары. С партнером они выбрали популярный вид игры, так называемый "любым любого".

Послышался тихий удар, и накатом первый шар партнер положил в лузу. Людмила Ивановна знала, что муж умел проигрывать. Он нс тушевался и не суетился.

Легко наклонив голову, он качнул раз-другои кием, словно взвешивал его. Грудью налег на борт, и раздался шюпштоес - сильный удар. Она уже знала его манеру.

Но партнер работал в своем стиле, и Василии Петрович вынул из лузы еще два шара. Четыре шара - игра сделана, так считается. И снова клопштосс, снова неожиданность, натиск. Затем правый винт, левый винт удар "пистолетом". Игра пошла.

Звенели белые шары. И Людмила Ивановна, помимо воли заражаясь азартом, следила за этой битвой на зеленом поле, знала, что, играя, он все равно думал о своем, что он был там, в госпитале, в палате И теперь уже она твердила про сеоя: "Закись азота... закись азота. А если и это не тот наркоз?.."

Его называют веселящим газом, в малых дозах он вызывает блаженную улыбку. С такой улыбкой на устах и уснул Ясников на следующий день. И когда его рот беззвучно смеялся, как-то жутко стало в операционной: парень идет на смерть с искусственной, придуманной ему врачом, застывшей улыбкой.

В светло-синей блузе Максимов казался щуплым, даже маленьким. Медсестра надевала ему на руки резиновые перчатки, и руки эти были с виду по-женски изящными. Не подумаешь, что у него за плечами четыре тысячи спасенных жизней, что эти его обыкновенные руки четыре тысячи раз отводили смерть.

Максимов еще раз взглянул на улыбающееся лицо Валерия Ясникова, потом оглядел операционную. Теперь, в третий раз, у кого-то сдали нервы, кто-то не выдержал, вышел. Это была девушка-практикантка. Очень жаль. Больше сюда, в операционную, она не войдет.

Видеть умирающего человека страшно, еще страшнее оставить его в эти последние минуты... Его лицо под белой маской вспыхнуло напряжением, брови пшеничного цвета, нос с крупной горбинкой - все на какое-то мгновение застыло. И только в его серых глазах, в их глубине со стальным отливом, казалось, прозвучал голос:

"Пошли". Это было хладнокровие, его хладнокровие, всегда передававшееся другим.

Начинался новый бой. Нина Васильевна, старый верный друг, была рядом. Врач Юрий Коваленко рядом. Рядом те, с кем через сомнения и срывы, риск и отчаяние шел полковник Максимов к сердцу солдата. Оно словно услышало зов и на этот раз стучало. Стучало ровно, ритмично.

- Знает, с кем имеет дело, - сказал Максимов с юморком, и в операционной сразу наступила раскованность. Это был праздник, торжество, не высказанное словами. Это была победа. Победа жизни над смертью.

Так началась серия операций кожной пластики, составивших одну, вошедшую в число четырех тысяч историй, с которыми нераздельно слита судьба одного человека, одного врача.

А перед этим в кабинет начальника отделения постучали. Вошел капитан Романов. После травмы ноги он поправлялся, дело шло к выписке.

- Берите мою кожу для пересадки, - сказал офицер.

- Спасибо, - тихо ответил врач.

Постучал рядовой Петровский:

- Отдаю кожу, сколько прикажете.

Стучали больные, заходили медсестры, и, пряча в платочек слезы, предлагала свою помощь старенькая нянечка.

Потом в кабинет вошла девушка-практикантка. Пересохшими от волнения губами опа умоляла:

- Ради бога, возьмите мою кожу... Мне двадцать лет... Чем моложе ткань, тем больше шансов, что она приживется.

Она говорила еще о чем-то, приводила какие-то аргументы, по он не вдумывался в их смысл, он просто сказал и ей:

- Спасибо.

Ясников был весь в лоскутах, он превращался в "шахматного" человека. И через месяц встал. И пошел туда, где дважды рождался заново. Нина Васильевна показывала ему наркозный аппарат, аппарат искусственного дыхания. Он осторожно трогал их ладонями, трогал дрожащей, еще слабой рукой стол, на котором лежал, ощупывал трубки, кронштейны и долго стоял у окна, в которое заглядывали киевские каштаны...

Полковник Костин вновь положил конверт на стол.

Неожиданно дверь открылась. Вошел снова майор Коваленко. Его халат на груди был забрызган капельками крови, а сам он был розовый, как после парилки.

Усталым движением руки он взял из пепельницы свою недокуренную папиросу, прикурил, глубоко раз-другой затянулся и сказал замполиту:

- Скоро кончаем. Все идет нормально. Гарантирую.

И вышел.

Глядя ему вслед, полковник Костин подумал: "Смотри, какой стал! "Гарантирую"... Л был ведь совсем несмышленышем. Дальше учебника ничего не видел". Помнится, как-то замполит зашел сюда в кабинет. Василий Петрович сидел на диване в одной майке, широко расставив ноги и опустив руки вниз, словно держал перед собой невидимую удочку. Руки отяжелели.

Семь часов он держал их на весу. А перед ним стоял Коваленко.

- Ну, ну, дальше, - говорил Максимов.

- О чем? - не понял ординатор.

- Ты что-то об узкой специализации хотел сказать?

- А я сказал.

- Но ты хоть объясни, что это значит?

Коваленко усмехнулся:

- Да об этом везде и всюду говорят.

- Договорились до того, - глядя на вошедшего замполита,

сказал Максимов, - что в сутолоке поликлиники пациент порой сам вынужден решать, куда ему нести больное ухо, куда горло, куда нос.

Острая шутка понравилась всем, но Коваленко всетаки возразил:

- Узкая специализация имеет и свои достоинства.

Максимов вскочил с места:

- И совершенно очевидно, что у многих она отняла ответственность. Это мое, а это не мое. Удел узко мыслящих людей и просто лентяев.

"Еретик, - подумал о своем шефе ординатор. - Да он же против того, что сейчас стало нормой".

Максимов усадил полковника Костина в кресло, а сам продолжал. Он говорил о человеке со сморщенным саквояжем, в маленьком пенсне и с огромными часами, которые он вытаскивал из кармана за цепочку, когда нащупывал пульс у больного. Он принимал роды, он исцелял гниющих от ран солдат, лечил прокаженных, спасал белогорячечных. И назывался этот человек земским врачом.

_ И все-таки он мало мог, - сказал Коваленко.

- Но он делал все! Все! Это мы в условиях большого города, едва на пути возникла сложность, сразу кричим: "Караул, подайте, бога ради, консультанта". А если где-то в глуши случится беда? Ты и больной. И все нужно решать самому?!

Дверь открыла Нина Васильевна.

Максимов мигом снял с вешалки китель, оделся.

С темными кругами под глазами, небритый, усталый, он нс нравился ей.

- Я принесу вам чаю, - предложила Нина Васильевна.

- Лучше что-нибудь посущественнее, - улыбнулся он. - Мне сегодня показано. - И, повернувшись к полковнику Костину, спросил: - Что-то срочное?

- Срочное, - ответил Михаил Степанович. - Сегодня у тебя в отделении будет делегация медиков из болгарской армии. Сам понимаешь, надо принять.

- Конечно, надо принять, - без нотки сомнения сказал Максимов. Болгарами займется наш Юрий Коваленко. Л я ухожу, дежурил, пришлось всю ночь оперировать.

- Но, товарищ полковник, - взмолился было Коваленко.

А Максимов спокойно продол/кал:

- Покажешь им Ясникова, познакомишь их с Кривоносом. Их истории болезни представляют определенный интерес. Да...

Замполит глядел то на Максимова, то на Коваленко.

Что ж, пусть решают сами.

Максимов позвонил оперативному дежурному.

- Ночь прошла спокойно, - доложил он.

"Это, по его мнению, спокойно", - подумал замполит.

Потом позвонил в лабораторию жене:

- Людмила Ивановна, с вашего разрешения я иду спать.

Осушил мензурку спирта и ушел домой.

- Вот шеф у нас, а? - продолжал ворчать Коваленко и всем своим растерянным видом призывал к соучастию замполита. - Ведь он кто? Он бог. Травматолог.

Дерматолог. Биолог. Анестезиолог... Един во всех лицах.

Человек Ренессанса. А я кто? И вдруг мне встречать делегацию.

- Юра, - тихо, по-отцовски сказал замполит. - Ничего страшного не произошло. Гости будут довольны, я уверен. - Потом, подумав, добавил: Видишь ли, мы, то есть люди постарше вашего брата, ведь не вечпы.

Вот и учись быть таким, как твой шеф.

- Так для этого надо как минимум записаться в еретики.

- А ты запишись, - лукаво подмигнул замполит.

...Летело время. Вчера только растаял последний снег на клумбах, сегодня они, распарясь под весенним солнцем, как маленькие вулканы, дышат паром и теплом. Потом, глядишь, ветви каштанов, вчора просвечивавшиеся насквозь, уже тяжелеют от бетых хлопьев. Потом трах, трах, трах, и по аллеям скачут коричневые шарики. Скоро они появятся в шкафу, под тахтой. Люда их натащит домой, и в квартире никогда нэ будет моли. Еще одна осень... Все, повторяясь, меняется. Лишь неизменным остается рабочий ритм госпиталя. К подъезду травматологического отделения опять мчится зеленая машина, опять носилки, и новая история ложится на стол начальника отделения.

Василий Петрович вошел к себе в кабинет и, не надевая халата, сел за стол, открыл один ящик, другой. Достал одну пачку писем, другую. Письмами забиты все ящики. Их много, очень много. Все они примерно одинаковы: "Спасибо, доктор..." Он начал их перебирать, одни сразу возвращались в ящики, другие он откладывал на край стола.

Полковник Костин вспомнил, что в тот день между ними произошел крайне важный разговор.

- Ты скоро освободишься? - спросил замполит Максимова.

- А я свободен. С сегодняшнего дня я в отпуске.

- И по каким же адресам ты двинешь в путь?

На Кавказ?

- Кавказ отпадает, - Максимов кладет в ящик еще

несколько писем.

- Тогда в Крым?

Врач неопределенно пожал плечами. Михаил Степанович закурил:

- Василий, я хочу с тобой серьезно поговорить.

- Где ты видел серьезного отпускника? - отмахнулся было Василий Петрович, но уже без шуток добавил: - Валяй.

Михаил Степанович никогда не начинал издалека.

Но на этот раз вспомнил и давнюю дружбу и горе-неудачи, пережитые вместе, и потому посчитал своим правом начать этот разговор, вернее, продолжить его, поскольку он уже возникал.

- Доколе ты, Василий, будешь выглядеть белой вороной? Давно пора подвести итог в жизни и написать наконец диссертацию.

- Ты уверен, что она мне нужна?

- Она необходима твоим друзьям, а в первую очередь науке.

- Что же наука может от меня заполучить, как ты считаешь? - спросил он с ноткой недоумения в голосе.

- А история с Юрием Синельниковым, которому ты сохранил руку. Разве это не диссертация?

- Так мы об этом писали в "Военно-методическом журнале" вместе с Коваленко.

- А чья идея? А благодаря кому Алексей Кривонос ходит по земле своими ногами?

- Благодаря себе, своей выдержке.

- Перестань, Василий, перестань. А Ясников? Открытие необходимого наркоза для ожоговых больных!

Да это тема из тем! И вообще, вся история спасения солдата стала частью истории госпиталя, если хочешь, его гордостью и славой. Да, да!

- Но ни то, ни другое, - вставил Максимов шутя, - для диссертации не требуется. А еще такая мелочь, как время. Где его взять?

Вот теперь он говорил правду. Он никогда не спешит от больного, и, естественно, ему всегда некогда.

Максимов бросил в ящик еще пачку писем, встал изза стола, подошел к окну.

- Понимаешь ли, Миша. - Голос полковника Максимова теперь звучал серьезно и даже как-то официально. - Конрад Рентген открыл икс-лучи, и состоялось эпохальное открытие. Или, скажем, ученик Сеченова, Игнатий Шиллер, один из создателей антибиотиков, - тоже фигура в медицине.

- Не то, не то говоришь. Речь идет о скромных вещах. Рентген - это высокий потолок. В наше время защищаются по темам,

которые спущены сверху, и что ж...

- И что ж? Открытие по заказу? Нынче это модно, но я этого, прости, не понимаю.

- Сейчас все так.

- Но тогда я буду похож на всех, - усмехнулся Максимов и уже серьезно добавил: - Потолок открытий у каждого свой, но науке не каждый потолок нужен.

В тот день, помнится, он сел в поезд и уехал. Его путь лежал в древний русский город Гусь-Хрустальный.

По городу Гусь-Хрустальному движется грузовая машина. Бегут по сторонам резные ставни, дощатые заборы. Машина остановилась у светофора. Усердно работает "дворник", разгоняя своей тонкой ладонью дождевые капли. Худощавое лицо водителя приблизилось к ветровому стеклу и тут же пропало в глубине кабины: светофор мигнул зеленым светом, и шофер отпустил тормоза. Проехав перекресток, резко затормозил. Распахнулась дверца. Водитель выпрыгнул из кабины и кинулся на тротуар:

- Товарищ полковник!

Они стояли обнявшись - врач Максимов и вчерашний солдат Ясников.

В доме Ясниковых большой праздник. И бабушка, и мать Валерия, Зоя Владимировна, сначала растерялись, засуетились. Но, как подобает хозяйкам, тут же разобрались, что к чему. И вот уже бабушка стряпает домашние пельмени, Зоя Владимировна быстро побежала в магазин. А гость увел Валерия в дальнюю комнату и тоже приступил к делу:

- Рассказывай, как чувствуешь себя?

- Все в норме, товарищ полковник.

- Разденься, пожалуйста, я послушаю твое сердце.

- Да все в норме, честное слово. - Валерий взял с комода шкатулку, достал оттуда какие-то бумаги: - Вот, глядите, группа инвалидности снята по чистой.

И как ни сопротивлялся парень, пришлось все-таки спять рубаху. Врач выслушивал его, выстукивал, просил дышать глубже, считал пульс...

- А я знала, что вы приедете, - сказала Зинаида Владимировна. - Вы такой человек...

Перед отходом поезда они бродили по перрону, и женщина старалась все время уловить взгляд Василия Петровича, но, как только их глаза встречались, она смущенно опускала голову.

- Если бы вы не приехали, - опять заговорила она первой, - я бы сделала это сама. Даже совестно, что вы меня опередили, - Зинаида Владимировна коснулась ладонью руки Василия Петровича. - Мало вы погостили у пас, совсем мало, - говорила

она с сожалением.

- Так я проездом.

- Проездом? - Она изумленно вскинула красивые темные брови.

- Да. Я путешествую, - сказал он с напускной легкостью. - Нынче это модно.

Конечно, она не поверила. Она знала, что от них, от Ясниковых, он поедет к Кривоносу или еще к кому-нибудь из тех, которые не стали бы такими, какими опн есть сегодня, не попади со своей бедой к нему.

- Граждане пассажиры... - пронеслось над перроном.

Последние минуты встречи. Зинаида Владимировна вдруг всполошилась:

- Как же это я, господи? - Женщина протянула Василию Петровичу хрустальную вазу, на которой было выгравировано: "За спасение сына".

Он неловко сунул ее под мышку, сконфузился, смутился. А Зинаида Владимировна обняла его и крепкокрепко поцеловала. Максимов неловко повернулся, ваза упала и вдребезги разбилась.

- Это на счастье, - шутя сказал он.

- На счастье, - шептала она со слезами на глазах. - Я вам новую пришлю, Василий Петрович, - сказала она сбивчиво. - Обязательно.

...Дверь кабинета резко распахнулась. Полковник Костин повернулся и теперь наконец увидел своего друга.

Синяя блуза, такой же чепец. Максимов как Максимов.

Только взгляд сегодня у него какой-то непривычный: блуждающий, угнетенный. "Это от усталости", - подумал Костин и, чтобы приободрить друга, сказал:

- Поздравляю.

- С чем? - Максимов сел на диван, свесил вниз руки.

- С успешным завершением операции.

- Он, - Максимов указал рукой в сторону операционной, - он умер... на столе.

- Как?! - чуть было не вскрикнул замполит. - Коваленко заходил сюда, сказал: "Гарантирую".

- Сказать все можно, - Максимов медленно произносил слова, - а сделать мы не все еще умеем. - И добавил: - Поздно привезли. Поздно, понимаешь?

Они долго молчали. За окном кружили осенние листья, медленно опускаясь на землю.

Максимов облизал пересохшие губы, спросил:

- Опять что-то срочное?

- Нет, ничего срочного. Я занес тебе письмо. Вот.

- Прочитай, - попросил Максимов.

- Оно адресовано тебе.

- Ничего. Читай, читай, - устало говорил Максимов.

Деваться было некуда. Михаил Степанович вскрыл конверт.

- "Дорогой Василий Петрович! Прошло столько времени, а я никак не могу забыть вас. Вы воскресили моего сына, дали ему новую жизнь. Спасибо вам великое.

Тогда, когда я приезжала к вам в госпиталь к Валерию, и тогда, помните, на перроне у нас в Гусь-Хрустальном, я хотела вам сказать, что люблю вас. Хотела, но молчала, все думала, время неподходящее..."

- Зато теперь подходящее, - вставил Максимов.

Через распахнутую дверь кабинета было видно, как повезли каталку, покрытую белой простыней...

- "Я пишу вам сегодня, чтобы честно и открыто признаться..."

- Хватит, - Максимов закрыл ладонью письмо.

Он взглянул в окно и увидел жену. В накинутом пальто она бежала по аллее, ведущей сюда, в травматологическое отделение. Конечно, она уже знала, что случилась беда, и бежала к мужу.

Через несколько минут запыхавшаяся Людмила Ивановна стояла на пороге кабинета. Темноволосая, с красивыми карими глазами, вокруг которых лучиками разбежались первые морщинки. Высокая и оттого кажущаяся немного сутулой. В потрескавшихся импортных сапогах.

Может, только сегодня, в эти минуты Максимов все это увидел с особой отчетливостью. Пытаясь скрыть учащенное дыхание, глядя то на замполита, то на своего мужа, она тихо произнесла:

- Ну о чем вы тут беседуете?

- Да вот, - сказал Василии Петрович, - заговорили о любви. Ведь мы давно не говорили о любви.

Он неторопливо взял письмо из рук Костина и спрятал его в карман кителя, что висел на вешалке рядом с его белым халатом.